

Владислав Тихонов

Тень Наамах

Владислав Георгиевич Тихонов

Тень Наамах

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28740981
SelfPub; 2018*

Аннотация

Коллекционер древностей и диковинок становится обладателем причудливой статуэтки. Если бы он знал, что за артефакт попал к нему в руки... Соблазнительно-жуткая история о том, что демонический мир и наша реальность гораздо ближе, чем мы привыкли думать. Содержит нецензурную брань.

*Открылись семь мрачных домов,
И семь рогатых ангелов вышли из железных дверей.
Семь серых жемчужин бросили они алому песку.*

И где упали те жемчужины, там возшли оазисы вашей свободы – семь цветков греха: страх, боль, похоть, ярость, безумие, забвение, любовь.

И это была высочайшая магия, ведомая старым богами...

«Книга Ложных чисел».

Звёзды тускнеют на своих местах и Луна бледнеет предо мной, словно Завеса была опущена на её сияние. Собаколицы демоны окружают моё святилище. Странные линии пересекают дверь и стены, и свет из окна теряет свою яркость.

Поднялся ветер...

Воды волнуются...

Это есть Книга Слуги Богов...

«Некрономикон»

Ветер ледяной пустыни принёс мне забытые напевы тех, кто, испив тысячелетнего Гиперборейского яду, обрёл мерцание ночных небес. Колесо Судьбы крутится в адском пламени, ни на миг не давая отдыха распятым на нём надеждам. Я слишком стар, стар и безумен, чтобы вверять себя про-

клятому колесу. Мне ли надеяться на что-то... Единственная вода, оставшаяся у меня, – это слёзы. Слёзы миража, зовущегося тоской по утерянному. Синие молнии вырисовывают мне на обречённом горизонте твой портрет, о, Наамах. На губах моих ещё живёт твоя кровь, ещё не умерло твоё божественное дыхание, которое я сохранил в моей груди. Мои глаза до сих пор отражают сверкание твоей Короны – выкованного Хаосом знака власти над миром и преисподней.

К чему мне забытые напевы: я сам скоро стану ночным мерцанием. Тяжёлые стрелки моих часов вот-вот обретут резвость и побегут в обратную сторону. Наамах, где ты? Молю тебя, дай мне увидеть тебя ещё раз – перед тем, как стану собственным сном. Злой хитростью обрёл я когда-то твою плоть во имя жизни, прими теперь мою во имя смерти. Позволь мне взять ещё раз частичку того света, что зовётся Тьмой...

Зачем нам Вечность? Наша Вечность – мы сами.

* * *

– Эта история, говорят, приключилась в девятнадцатом веке, в Париже, с Шарлем Бодлером. Был такой поэт. Помните? Основатель декадентства.

Небольшой пухлый человечек в коричневой венгерке и зелёном с лампасами трико, уютно попыхивая трубочкой, вел свой рассказ для двух слушателей.

Время было позднее. Щель окна за благородно-бордовы-

ми шторами уже налилась темнотой. Редкие трамваи грохотали на улице по-ночному: очень гулко и металлически-протяжно.

– А что, разве Бодлер тоже интересовался колдовством? — спросил Владимир Петрович, зевая и вертя в руках небольшую лакированную статуэтку сандалового дерева.

Третий участник полуночного разговора, большой рыжий кот Ваня, давно спал на письменном столе, свернувшись в пушистый урчащий клубок. В розоватом свете настольной лампы напоминал он забытую кем-то шапку странной формы.

– Налить ещё чаю? Берите мармелад. Очень вкусный, дынный. — уютный человек пристроил в массивной пепельнице трубку и, привстав из кресла, разлил по чашкам ещё слегка дымящуюся чёрную заварку.

– Спасибо, я не люблю мармелад. — Владимир Петрович поставил статуэтку на журнальный столик и взял с него чашку с чаем — нежного китайского фарфора старинную посудинку, расписанную пагодами и журавлями.

– Да, Бодлер интересовался колдовством. Об этом мало кто знает, но его возлюбленная, мулатка Жанна Дюваль, была жрицей одного весьма странного культа, имеющего афро-азиатские корни. О нём сейчас мало что известно — только то, что объектом его почитания была некая забытая богиня. В иудейской сакральной мифологии она известна как Наамах — её считали старшей сестрой Лилит. Дочь демоно-

людей Аграта и Маулат, сестра Тувалкаина – первого в мире металлурга, Наамах почиталась как хозяйка неких «волшебных слов». Само имя Наамах означает «приятная». Иудеи называли её демонессой, поющей приятные песни идолам, и ужасно боялись – приятные древним идолам песни несли гибель всему миру. В некоторых источниках Наамах упоминается как Чёрная Богиня, Королева суккубов. Кое-кто из исследователей видит её прообраз в Тиамат – воплощении хаоса, одном из центральных персонажей аккадской поэмы «Энума элиш». Эта поэма – о творении нашего мира, о войне старых и молодых богов. Известно ещё и то, что поклонение этой жуткой особе включало в себя садомазохистский секс перед её алтарём, употребление особых галлюциногенов и ритуальные пытки. Им добровольно подвергали себя последователи культа. – Человек, блеснув перстеньком, потянулся к оранжевым мармеладным ромбикам.

– И что же это за история приключилась с Бодлером? Она как-то связана с этой Наамах? – Владимир Петрович осторожно отставил пустую чашку и снова взял со столика блестящую статуэтку.

– Ага, вам она тоже покоя не даёт? Вот и Бодлеру не давала спокойно спать по ночам. Она и была тем самым вампиром, чьими метаморфозами он бредил в своих стихах.

– Это вот эта-то игрушка?

– Игрушки бывают всякие... – человек самодовольно утрамбовал большим пальцем новую щепоть ароматного та-

баку в трубке.

– А с чего вы решили, что она принадлежала великому поэту? Где вы её взяли?

– Я и не говорил, что ему принадлежала именно эта статуэтка. Просто я знаю, что точно такую же деревянную фигурку Чёрной Богини, подаренную Жанной Дюваль, Бодлер до конца жизни таскал в кармане сюртука. А когда умер, она была крепко зажата в его кулаке. Говорят, при помощи этой статуэтки автору «Цветов зла» удалось увидеть саму богиню. И даже вступить с ней, хе-хе, в близкий контакт. Ещё говорят, он принёс в жертву Наамах уличную проститутку... Вот вам и вся история. Подробностей я не знаю. А где я взял статуэтку – об этом позвольте умолчать. Скажем так: сия вещица досталась мне по наследству.

– «Сия вещица»... – передразнил Владимир Петрович, – наловчились вы небылицы сочинять.

Нарочито вычурная манера речи собеседника утомляла его. Раздражение царапало где-то внутри, готовое выскочить и вонзить жала в спокойно жующего мармелад человечка. Владимир Петрович ещё раз, уже более пристально, взгляделся в миниатюрного идола.

Вырезанная искусным мастером, изящная сандаловая фигурка явственно светилась порочной языческой древностью. Высотой примерно сантиметров в пятнадцать, она была сделана с поразительным тщанием, весьма натурально передавая облик противоестественного существа. Прекрасное жен-

ское тело стояло на цыпочках, застыв в отрешённой позе. На спине – сложенные перепончатые крылья, нижние кончики которых касались босых пяток женщины, а верхние возвышались вровень с изогнутыми рогами на её голове. Лицо богини казалось красивой маской. Слишком красивой для человеческого лица – высокие скулы, прямой, словно лезвие меча, нос. Тяжёлые, похотливые губы сомкнуты – драгоценная раковина, таящая, несомненно, крупный жемчуг. Глаза закрыты. Фантазия неизвестного резчика наградила богиню двумя парами рук. Верхняя скрещена на груди, пряча под ладонями сосцы округлых, смотрящих вверх грудей. Нижняя пара рук прикрывала лоно.

Однако стыдливости в фигурке не чувствовалось – наоборот, читалось молчаливое приглашение к чему-то тёмному и запретному. Предельную одиозность Чёрной богине придавали два щупальца, растущие из боков между её четырёх рук. Щупальца обвивали талию изысканного монстра и его узкие крепкие бёдра. На запястьях и щиколотках богини – браслеты с непонятными письменами. На голове, поверх причудливо уложенной длинной косы, – высокая тиара или корона, похожая на кристалл. Стояла Наамах на круглой невысокой подставке, на которой снизу тонкой печатью врезался похожий на свастику знак. Дерево пропитали каким-то необычным лаком, сделавшим его твёрдым и блестящим, словно отполированный коричнево-жёлтый камень. Но лак этот не убил сандала – его мягкий пряный аромат был

до сих пор жив.

Статуэтка чем-то напомнила Владимиру Петровичу изображения египетских богов. Но, в отличие от них, была сделана со знанием пропорций и с большим искусством. Человеческое и нечеловеческое сочеталось в забытой богине очень естественно, сплетясь в завораживающей сердце, томной гармонии. И, несмотря на весь свой демонизм, экзотический идольчик производил скорее приятное, чем пугающее впечатление, вызывая осознанное желание обладать им.

– Вся эта история с Бодлером и Жанной Дюваль – чушь от начала и до конца. Вы сами всё это придумали – цену хотите набить. Но не надейтесь, я не дам ни копейки больше, чем предложил. Безделушка, конечно, очень любопытная. Старинная, видно сразу – век семнадцатый-восемнадцатый. Откуда-то из Индо-Китая, судя по всему. Хотя, признаюсь, ничего подобного мне раньше не попадалось. Исключительно поэтому я сейчас и разговариваю с вами, Маревский. Вы человек неглупый, сами прекрасно это понимаете. То антикварное барахло, что вы продаёте в своём магазинчике, не заинтересует даже последних кретинов. А действительно ценные вещи вы достаёте чёрт знает как. Помните скандал с тем орденом Ленина? – Владимир Петрович дал, наконец, волю раздражению, начав откровенно передразнивать нелепую псевдоархаичную манеру Маревского вести разговор.

Человечек поскукнел. Так мило начавшийся разговор принял нежелательное для него направление.

– Вы что, нотации пришли мне читать? Вам-то какое дело, где и как я достаю вещи?! Я предлагаю вам красивую, старинную, возможно, уникальную вещицу. Я предложил её именно вам, зная ваш, Владимир, интерес к подобным штукам. Не хотите – не надо. Желаящие купить статуэтку и без вас найдутся, будьте уверены. А оскорблять меня в моём же доме не нужно.

Маревский вновь налил себе чаю – Владимиру Петровичу он на этот раз демонстративно ничего не предложил.

– Ладно вам, уже обиделись... – Владимир Петрович извлёк массивный бумажник выпуклой узорной кожи. Несколько новеньких купюр легли на столик посреди чайной посуды, прямо к ногам сандаловой богини. – Надеюсь, проблем, как с орденом Ленина, не возникнет?

– Не возникнет, не возникнет... – пробурчал Маревский, недобро косясь на дензнаки. Желание разглагольствовать у него пропало.

Проснулся Ваня. Сперва он удивлённо и тихо наблюдал за происходящим, но потом вдруг, кротко мякнув, по-рысьи скакнул на чайный столик. Звякнула опрокинутая посуда, возле перевёрнутой сахарницы вырос маленький белый холмик. Владимир Петрович успел только ужаснуться тому, как непочтительная проворная лапа сбросила на пол его покупку.

– Ах ты...!

Но Наамах, к счастью, не пострадала, упав в густой, мяг-

кий ворс ковра.

– Вот наглый кот! Маленький слащавый вурдалак!

Побыстрее упрятав запакованную в коробочку богиню в нутро спортивной сумки, Владимир Петрович распрощался с Маревским. Бесшумной торопливой тенью выскользнул он из квартиры антиквара навстречу свежести и темноте ночных улиц. Закрыв за ним дверь, Маревский с котом на руках подошёл к окну. Он видел, как Владимир Петрович промелькнул через освещённый единственным фонарём двор, и сгинул в арке, уводящей к проспекту.

Отпустив Ваню охотится за ночной бабочкой-совкой, залетевшей в форточку Маревский достал из ящика письменного стола большую коричневую книгу. Упал в кресло и раскрыл том на странице с гравюрой, изображавшей только что проданную им статуэтку. Треск крыльев бабочки, доносившийся от настольной лампы, резко оборвался – Ваня закончил охоту. Мутные, затёртые временем слова чужого, злобного языка, на котором разговаривала коричневая книга, зашептали Маревскому свои сонные тайны. Он неторопливо листал плотные страницы, напитанные лунным ядом, – колючие знаки, словно репейник, цеплялись за уставшие глаза. Прорастали в мозг, чтобы остаться там – не мёртвые и не живые образы сумеречной истины. Ноты подземной мелодии, призраки, выпавшие из лодки Харона. Ленты их саванов светятся из антрацитовый бездны: колышатся, колышатся холщовые белые водоросли... Белые прожилки в чёрном

камне. Пустые видения спящего на краю преисподней. Пространство Великой трапеции...

* * *

Владимир Петрович не любил множество самых разных вещей и явлений. Но особенно ненавистна была ему необходимость так или иначе общаться с другими людьми. Дожив до сорока семи лет, он внутренне полностью отрёкся от себе подобных. Суетившиеся вокруг человечки казались нелепыми и бессмысленными. Их проблемы и заботы – никчёмными, а дела – мерзкими и тошнотворными. Великая Пустота объединяла их своей вечной поручкой, и те редкие экземпляры, что отказывались крутиться в её бестолковом колесе, вызывали у человечков ужас и злобу. Сны про это колесо часто являлись Владимиру Петровичу. Иногда неясные древние исполины выходили из мрачных провалов в земле или восставали из бушующих вод и пытались разбить проклятое колесо, сокрушить его и опрокинуть. И тогда человечки падали с колеса – многие миллионы и миллионы их летели под ноги и в пасти исполинов. Но колесо начинало вращаться быстрее и быстрее, и исполины с рёвом отступали обратно – туда, где огонь и холод, и тьма разрывается безумными вспышками космической агонии...

...Равнодушной пустынной ящерицей скользил Владимир Петрович по ночным улицам, возвращаясь от антиквара. Тёмные многоэтажки, смотрящие в ночь одинокими светя-

щимаются окошками, представлялись ему гигантскими тумбами, набитыми всякой чепухой. Тени переплетённых ветвей ползали по асфальту, мороча глаза – тревожная иллюзия неустойчивости, отсутствия равновесия.

Придя домой, Владимир Петрович не лёг спать. Сидел за письменным столом, разглядывая через большое увеличительное стекло статуэтку Наамах. Опасался найти царапину или иной дефект, нанесённый лапой злокозненного кота. Вновь рылся в каталогах и музейных справочниках в поисках чего-то похожего – тщетные труды. Лишь когда сереющее небо отгородилось от земли узкой, бледной каёмкой горизонта, Владимир Петрович заснул. Лёг на диван и, накрывшись пледом, полностью отключился от реальности.

Статуэтка осталась на столе в одиночестве – молчащее прошлое чужого мира...

* * *

Мусор чужих, грубых голосов, живущих в радио... Музыка, превращённая в омерзительный грохот, бодрое жужжание неведь чего, дребезг каких-то механических погремушек – нет на свете более впечатляющего примера современного хамства, чем включённый на полную громкость радиоприёмник. Уничтожить бы к чертям все радиостанции в мире! Как будто не достаточно телевидения.

Выкарабкиваясь по утрам из подвалов снов, Маревский всегда проклинал радио. Хотя никакого радио у него не бы-

ло уже пятнадцать лет. Когда-то, когда от него уходила жена, антиквар выкинул ей вдогон уродливую кухонную радиокричалку. Она очень любила эти мерзкие звуки ада. Проснувшись, первым делом включала радио на максимальную громкость. Маревского, ценившего как ничто тишину по утрам, чистое неосквернённое молчание уходящей ночи – часы, когда в мозгу, в колеблющейся дымке полусна рождаются дикий и отвратительные откровения, это буквально разрушало.

Каждое утро антиквар, смотря в потолок, произносил одну и ту же фразу: «Я ненавижу радио». К потолку, прямо над кроватью, было прикреплено старинное католическое распятие – измученное бронзовое личико, куцая борода. Пробудившись, антиквар всегда пристально разглядывал тщедушную фигурку приколоченного к кресту. Христос напоминал ему освежёванную баранью тушу. Достав из-под подушки пистолет, Маревский, прищуря левый глаз, целил тупым змеиным дулом в каждую из оконечностей креста по очереди против часовой стрелки. 5,45-миллиметровый ПСМ (пистолет самозарядный малогабаритный) придавал приятную тяжесть мягкой со сна руке. В Маревском тревожно и радостно кричало чувство превосходства над распятым. Очень хотелось нажать тугой курок и оборвать наконец-то бессмысленные страдания сумасшедшего еврейского плотника. Выплеснуть горячий, словно выдох дракона, свинец в эту измятую вечной мукой физиономию и увидеть, как злые осколки брызнут с потолка. Ощутить их жалящее при-

косновение своей кожей.

Нынешним утром привычный ритуал нарушился. Проснулся Маревский не в спальне, не в широкой, словно поле, кровати. Выйдя из сна, обнаружил он себя сидящим в кресле. Уютном своём старом кресле, обтянутом кожей. Злая книга выпала из рук. Она лежала на ковре у подножия кресла, точно поваленный кладбищенский памятник. Твёрдый коричневый переплёт с чеканной вязью древних знаков действительно казался гранитной плитой с могилы забытого восточного царя.

– Я ненавижу радио... – прохрипел Маревский и с трудом поднялся на ноги. В затылке побаливало. Затёкшая от спанья в кресле шея поворачивалась кое-как. Достав из маленького бара бутылку коньяка, Маревский налил себе целый фужер. Выпил одним глотком, не поморщившись. Стоявшие на баре старинные часы с бронзовой Афиной Палладой показывали четверть девятого утра.

Подняв с пола книгу, Маревский с досадой бросил её на письменный стол. Вчера вечером он совершил подлый поступок: подлый по отношению к этому дятлу Владимиру Петровичу. По отношению к себе. И к тем силам, что заключили с ним договор ровно тринадцать лет назад. Маревский знал: Наамах не простит. Как не простила когда-то Бодлера. Как не простила многих и многих. Но другого исхода этому безумию не было. Никогда не было. Каждая убитая душа – это новое солнце. Новая капля света в бесконечном мра-

ке равнодушия Вселенной. Предательство и смерть – единственные факелы, освещающие наш путь. И поэтому Маревский плакал, сидя в сортире на холодном, как айсберг, унитазе. И целовал блестящий зеркальным серебром пистолет.

Коробочка с патронами упала на тёмно-синий пол: маленькие посланцы судьбы с игрушечным грохотом раскатились по сверкающему кафелю. Неподвижными и бесшумными остались лишь те, что упали на уютный резиновый коврик. Их было три. Три патрона. Три прекрасных подарка. Всхлипывая и радуясь, что никто и никогда не видел его плачущим, Маревский подобрал их. Трёх маленьких, аккуратных ангелов. Три падающие звезды. Три ключа от райских ворот.

* * *

– Вам на какой этаж?

– На седьмой.

Женщина, севшая в лифт с Владимиром Петровичем, была молода, высока ростом (выше его) и красива. Красива той тёмной порочной красотой, что отпугивает и влечёт одновременно. Что-то странно знакомое было в женщине: в излишне правильном лице её, в крепкой ладной фигуре. Глаза женщины напомнили Владимиру Петровичу глаза акулы – холодом, таившимся в сумеречной зелёной глубине; злым подземным голодом в матовых зрачках.

– Ты хочешь меня? – спросила женщина.

Рука её, с ногтями, острыми как копыя, скользнула в промеж ног Владимира Петровича. Нога её, в чёрном чулке, похотливой анакондой обвилась вокруг его дрожащих коленей. Острый каблук хищно ласкал внутреннюю сторону бедра Владимира Петровича. Кровавая полупрозрачная занавесь упала на глаза Владимира Петровича: жадно целуя ключие губы незнакомки, забыл он себя. И запах тлена, тяжёлый аромат гробницы сжал ему голову каменным кольцом. Но рот женщины пахнул хризантемами. Эти два запаха смешивались в непотребный жгучий коктейль со вкусом давно забытого людьми бессмертия. И давящая тупая боль в груди мешала вдохнуть, мешала ощутить этот божественный аромат – два щупальца, как у осьминога, вытянулись у незнакомки из под юбки и обвили Владимира Петровича. Нижняя губа женщины прокушена была острыми её зубами, и горячие солёные капли падали, падали ему на язык. Кровь женщины пьянила смертно – золотой бальзам стекал в немеющее горло. Страшное, запретное волшебство.

– Кто ты? – шептал он.

– Ты знаешь... знаешь... – тихое шипение, вкрадчивая паучья мелодия отзвучала, и Владимир Петрович полетел мёртвой бабочкой в пропасть огня, распахнувшуюся под ним. И тень гигантского перепончатого крыла накрыла пылающую бездну. И миллионы трупов в бездне, объятые пламенем, завопили, приветствуя её...

* * *

О, Полная Луна, Серебряная Мать ночи! О тебе сказано уже столько, что нет смысла выдумывать новые гимны в твою честь. Твой тихий свет несёт мягкую гармонию остывающего неба нашим городам-кладбищам. Нашим загазованным, засранным сверх всякой меры железобетонным отстойникам. Нашим измученным бесконечным ожиданием подлинного бытия нервам.

Бесполезными паразитами кишим мы в гниющих кишках наших улиц, пенящейся биомассой течём из конца в конец своего больного Вавилона. Но строить новую башню, что алмазным шпилем щекотала бы твоё нежное брюхо, о Луна, нет уже ни сил, ни желания. Да и возможностей таких уже давно нет. И разве можно назвать башней Нового Вавилона ту уродливую чушь, что лепят сегодня из говна наши ничтожные правители? У нас нет сегодня, у нас нет вчера – одно только завтра. Багровое, злобно хохочущее Завтра. Оно манит нас своим золотом, и в своём безумии мы не понимаем, что золото это фальшивое. И ползём за ним по могилам своих отцов. Жалкие черви... И как фальшиво убегающее золото, так и мы фальшивы, фальшива наша бесплодная суета. Фальшив наш смех, фальшивы наши нелепые слёзы... Наша забота о ближнем фальшива просто идеально.

У нас уже нет зеркала, есть только жалкие его битые кусочки, в которых отражаются не лица – искорёженные бесстыдством поганые рожи.

Если бы у меня, как у изумрудной космической стрекозы, были крылья, я полетел бы к тебе, о Луна. И шептал бы в твоё чуткое ухо свежие сплетни с Той Стороны. А ещё лучше, давай умрём с тобой как боги, добрая моя Луна... Как весёлые, древние боги... Ты понимаешь, конечно, что я имею в виду.

* * *

Цветные стёклышки разбитой реальности сложились вдруг в привычную картинку. Кто-то вовремя повернул для Владимира Петровича калейдоскоп, и он пришёл в себя. Обливаясь мутным, клейким потом, сидел Владимир Петрович на полу в лифте. Никакой женщины с щупальцами, никакой ревушей бездны под ногами, никаких мороков. Видения, сбежавшие с картин Босха, растворились, как и положено галлюцинациям. Но этот странный, болезненный запах... Но эта зеленоватая лужица на линолеумном полу кабинки...

Пластиковые половинки двери лифта с пневматическим шумом разъехались, и Владимир Петрович, шумно глотая затхлый подъездный воздух, поднялся на ноги и вышел на лестничную площадку. Лёгкое головокружение и покалывание в груди не оставляли его до самого вечера. Убить бы того подонка, что разлил в лифте ядовитую мерзость...

К вечеру всё прошло. Владимир Петрович снова стал самим собой. Болезненное видение, пережитое им днём, сделалось расплывчатым, еле зримым. Воспоминание о нём вызывало лишь досаду: взрослый мужик падает в обморок, на-

нюхавшись какой-то отравы, видит при этом чёрт-те что... Скверная история. Хорошо, хоть не видел никто.

Придя в себя, Владимир Петрович вспомнил, что собирался составить описание купленной вчера статуэтки для каталога своей коллекции. Наамах всё ещё стояла на письменном столе. Включив настольную лампу, Владимир Петрович с удивлением отметил, что вчера деревянная фигурка показалась ему значительно ниже. Если у Маревского, разглядывая богиню, он на глаз определил её рост как пятнадцать сантиметров, то на самом деле в статуэтке, оказывается, было сантиметров двадцать пять. Конечно, всему виной усталость. Вчера он измотался за день, хотел спать. И ещё Маревский нагнал тоски, заморочил-замутил своими лекциями. Любитель мармелада паршивый. Глаза вот побаливают, чёрт – видно, пора обзаводиться новыми очками.

Писать расхотелось. Ладно, потом займёмся тобой, Наамах. Сейчас давай-ка поставим тебя на полочку. Вытащив из тайничка в столе узорчатый медный ключ, Владимир Петрович отпер им шкаф с дверцами небьющегося стекла – большой, старинный, сработанный в виде готического замка, он хранил сокровища Владимира Петровича, все радости его, всё то, что он любил и ценил.

Много чудесного таил в себе шкаф-замок. Вот дивная коллекция нэцкэ, собранная в течение двадцати трёх лет. Самую старую и ценную из фигурок – «Хотэй, угощающий детей» – вырезал из слоновой кости в 18-м веке сам Суд-

зан. Вот подлинные египетские ушебти – каменные фигурки мёртвых. Те, для кого их сделали, уже давно, очень давно гуляют по полям Осириса. Но оставшиеся от египтян, живших тысячелетия назад, какие-то вечные атомы находятся ещё в этих странных погребальных фигурках. Коллекция античных монет, несколько старинных кавказских кинжалов, чьи ножны и рукояти сработаны из чеканного серебра. Забытые индейские божки из нефрита: их уродливые физиономии смешны своей бесполезной ныне свирепостью. Янтарные чётки, принадлежавшие когда-то грабившему Палестину тамплиеру... Бронзовые молоточки Тора – амулеты беспокойных северных людей...

Много забавного, и в то же время дорогого, хранится в шкафу у Владимира Петровича.

Поставив Наамах на полку, в компанию разных экзотических божков, Владимир Петрович запер дверцы шкафа. Медный ключ в виде дракончика вернулся в тайник.

Кефир из холодильника, недолгий тёплый душ, растирание синим махровым полотенцем – и вот Владимир Петрович лёг в постель. Дурная, дряблая усталось не позволила ему даже почитать перед сном. Открытый было детектив в кричащей обложке был тут же отложен за изголовье. Владимир Петрович заснул, даже не выключив настольной лампы. Свет её, изломанный комнатными тенями, жёлтой восковой маской лежал на лице спящего...

Высокая тёмная фигура, подплыв к дивану, склонилась

над Владимиром Петровичем. Упругое щупальце сиренево-красной змеёй проникло под кожу, аккуратно раздвинув её с левой стороны груди. Чуть пониже соска. Владимир Петрович глухо завыл сквозь сжатые губы, голова его заметалась по подушке. Ночная испарина мелкими искрами заблестела на растянувшемся, как латекс, лице. И чёрные печати боли вдавились в глазницы, скрыв в угрюмых провалах сонные веки.

С тихим чкоманьем почерневшее от крови щупальце вытащило пронзительно трепетавшее сердце, мягко продёрнув его сквозь рёбра. И длинный, тонкий палец острым звериным когтем вырезал на нежно пульсирующем кусочке плоти хищный свастический знак. Злой иероглиф перекрёстка. Места, где сходятся и разбегаются пути богов, ангелов, демонов и людей. Смертным криком закричал Владимир Петрович, когда роковая эмблема врезалась в его сжатое кровавым щупальцем сердце. Лопнула лампа на столе, лёдяной выдох пронёсся по комнате, дрогнули оконные стёкла. Кто-то жутко и похотливо засмеялся в наступившей смоляной темноте.

Крича, проснулся Виктор Петрович. Сердце его билось сильно и быстро...

* * *

Знаки судьбы. Вы встречаетесь на моих туманных дорогах чаще, чем хотелось бы. К чему это? То смеётесь вы мне прямо в обескураженное лицо, то угрюмо молчите, как бро-

шенные голодные дети. Я разгадал и победил много, очень много вас, о жестокие... Чью злую волю несёте вы? В каких мирах и пространствах берёте своё начало и где оканчиваетесь? Почему всё время я спотыкаюсь о вас и рву свою кожу о ваши острые углы? Кому больнее: вам или мне? Один весёлый мудрец из славного Самарканда сказал, что вы – части Великой Трапеции. Её осколки, разбросанные обезумевшим пьяным Архитектором по Вселенной. Кто постигнет вас – обретёт выход из ловушки. Выйдя в Трапецию, спасётся от Колеса. Перестанет быть хрупкой игрушкой, перерезав сияющим лезвием хитрые нити кукловодов.

Я не верю весёлому мудрецу: вечно упитый вином лукавец никогда не видел ничего, кроме своих призраков.

Знаки судьбы... Война золота с пылью... Блики огня на мёртвой воде... Если ум мой окажется беспомощен перед вами, я разгадаю вас, как и положено, своим мечом. А после предложу судьбе свои игры и загадки. И пусть только попробует сбежать... Я не буду резать сплетение хитрых нитей. Вместо этого я перережу глотки самим кукловодам.

* * *

Так. Надо налить Ване молочка. Отрезать колбаски. Иди, Ваня, кушать! Мне некогда тут возиться с тобой, ленивый котяра: у меня дела. Мне надо будет тут пойти застрелить кое-кого. Но сначала, конечно, жертва. Классический случай человеческого жертвоприношения, как сказанул бы этот

болван Кроули. До полуночи надо найти свежего мяса для наших неприятных друзей.

Сидя на кухне, Маревский смотрел, как Ваня ест колбасу. Сам антиквар смаковал коньяк, зажёвывая его ломтиками лимона. Новый день вломился в жизнь привычным, нагло-рыжим гостем – Маревский встретил его скупно и равнодушно. Он любил пить по утрам: ранние часы лучше всего подходят для подобных занятий. Идиотам, пекущимся о правильности, этого, впрочем, не понять. Они привыкли отравлять алкоголем вечер и ночь. Ту часть суток, когда нужно быть трезвее трезвого, когда нужно быть начеку, когда жить весело и интересно. Когда чутко слушаешь спящий воздух: вдруг сейчас постучат с Той Стороны? А утро... Алкоголь здорово помогает пережить эту бодренькую мерзость – начало муторной дневной суеты. Маревский мог выпить прилично – и посторонний глаз не подметил бы ни малейшего признака опьянения.

Пока Ваня довольно урчал над своими блюдами, его хозяин упаковывал свою сумку. Серо-синюю сумку – с ремнём, из твёрдой, как картон, ткани. Очень удобная: можно носить на плече. Хоть и небольшая, но всё, что Маревскому сегодня пригодится, в неё помещается. Короткая тяжёленькая дубинка – беспощадное дерево, красиво и аккуратно обмотанное кожей. Увесистый моток верёвки – обычная бельевая дрянь. Обоюдоострый охотничий кинжал – такой можно купить только по членскому билету Всероссийского

общества охотников и рыболовов – вещь дорогая, красивая и по-своему никчёмная. И ещё – резиновый кляп, красный и круглый, похожий на маленький помидор. В отдельный отсек сумки помещена была старинная коричневая книга, бережно завёрнутая в прозрачную плёнку. Рядом с книгой Маревский пристроил чёрный кожаный блокнотик – потёртое, пухлое хранилище тайн, секретов и секретиков. Вот и всё. Сборы окончены. Наши пути ждут нас, пора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.